

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-012-021

ЧИСЛЕННОСТЬ ПЛЕМЕН И ПРОПОРЦИИ ГРУПП КОЧЕВНИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКУЮ ЭПОХУ*

В. В. Тишин¹

Статья посвящена рассмотрению вопроса о численности населения степных и лесостепных районов Центральной Азии (включая Южную Сибирь) в древнетюркскую эпоху (VI–X вв.). Проверка сведений китайских источников, тенденциозно завышающих численность противостоящих династиям Срединной равнины кочевнических народов, может быть осуществлена по их же собственным данным в сопоставлении со сведениями памятников древнетюркской рунической письменности. Письменные источники содержат достаточный материал для выяснения приближенных к реалиям показателей численности кочевников и факторов, влияющих на ее динамику, который может быть подтвержден этнографическими данными. В результате исследования, проведенного на конкретном историческом материале, показано, что при обычных условиях численность воинских формирований кочевников редко превышала несколько тысяч человек. Значительные по численности контингенты, представленные всем боеспособным взрослым мужским населением, могли появляться на исторической арене в редких случаях. Доля «воинов» к остальному населению примерно укладывается в рассчитываемый процент взрослого мужского населения в обществах с господством малой нуклеарной семьи, давая в итоге 1:5. Она могла быть увеличена за счет участия в военных предприятиях неженатой молодежи. Численность известных по источникам кочевнических сообществ в Центральной Азии была примерно сопоставимой. Увеличение численности населения отдельных племен происходило за счет интеграции перешедшего к ним населения вследствие миграции или непосредственного покорения, но являлось ситуативным. Такие перемещения населения были обыденным явлением и, следовательно, смена их политической идентичности была формальной.

Ключевые слова: кочевники, численность населения, древнетюркская эпоха, тюрки, миграции, идентичность

Для цитирования: Тишин В. В. Численность племен и пропорции групп кочевнического населения в древнетюркскую эпоху. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 12–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-012-021

TRIBAL POPULATION AND PROPORTIONS OF POPULATION GROUPS AMONG THE NOMADS IN THE OLD TURKIC PERIOD

Vladimir V. Tishin

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00736 «Дешт-и Кыпчак и сопредельные оседло-земледельческие территории X–XIII вв.: опыт изучения взаимодействия культур (на материале письменных источников)», <https://rscf.ru/project/23-28-00736/> (ФГБУН Институт востоковедения РАН).

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00736 «Desht-i Qipchak and adjacent settled agricultural territories of the X–XIII centuries: the experience of studying the interaction of cultures (based on written sources)», <https://rscf.ru/en/project/23-28-00736/> (Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences).

¹ Тишин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tihij-511@mail.ru

Vladimir V. Tishin, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies the Russian Academy of Science, Moscow; tihij-511@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7344-0996

The article discusses the issue of the population of the steppe and forest-steppe regions of Inner Asia (including South Siberia) in the Old Turkic period (6th–10th century A. D.). Revision the data of Chinese sources, tendentiously overestimating the number of nomadic peoples opposing the Dynasties ruled in Central Plain, can be carried out according to their own data in comparison with the information of the Old Turkic runic written monuments. Written sources contain sufficient material to elucidate indicators of the number of nomads close to reality and to reveal factors influencing its dynamics, which can be confirmed by ethnographic data. As a result of a study based on specific historical material, it is shown that under normal conditions, the number of military units of nomads rarely exceeded several thousand people. Significant numbers of those contingents, represented by the entire combat-ready adult male population, could be represented on the historical arena in rare cases. The proportion of the number of “warriors” to the rest of the population approximately fits into the calculated percentage of the adult male population in societies where the stem family prevailed, giving a total of 1:5. It could be increased through the participation of unmarried youth in military enterprises. Nomadic communities known from sources in Inner Asia were approximately comparable in number to each other. The increase in the population of separate tribes occurred due to the integration of the population that passed to them as a result of migration or direct conquest, but it was situational. Such population movements were commonplace and, consequently, change of its political identity was formal.

Keywords: nomads, population, Old Turkic period, Türks, migrations, identity

For citation: Tishin V. V. Tribal Population and Proportions of Population Groups among the Nomads in the Old Turkic Period *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. Pp. 12–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-012-021

Введение

Исторические кочевнические сообщества, объединенные общим названием (этнонимом), являются неустойчивыми и по своей сути эфемерными образованиями, основанными на политических (организационных) связях — это факт, давно установленный в науке. Независимо от его происхождения, самоназвание сообществ различных численных размеров, как правило, восходит к первичному коллективу, отражая первоначально его самоидентификацию, и в последующем переносится на другие группы, присоединяющиеся к ней каким-либо способом (чаще вследствие силового воздействия) и интегрированные в единую социально-политическую организацию в качестве сегмента ее сложной многоступенчатой структуры. Как правило, эти группы сохраняют собственное и самоназвание, и идентичность, а чаще всего и известную автономию. Таких уровней может быть достаточное множество, соответствующие им в условной модели структуры социальной организации всего объединения в исследовательской литературе именуют в зависимости от устоявшейся традиции «кланами», «родами», «коленами», «племенами» и т. п. (см.: [Хазанов, 2002, с. 217–221]).

При осознании относительности всей терминологии и дискуссионности каждого случая в настоящей работе слово «племя» будет употребляться в отношении независимых сообществ, составляющих первичное объединение нескольких кровнородственных коллективов, характеризующихся общей идентичностью, отраженной в самоназвании, идеологией и хозяйственной территорией.

Древнетюркская эпоха (VI–X вв.) в истории Центральной Азии является одним из наиболее богатых письменными источниками периодов, дающих обширный материал как для специальных исследований, так и для теоретических построений. В данном случае нас будут интересовать сведения о численности кочевнических сообществ.

Письменные источники и этнографические данные

Хрестоматийным по многим параметрам является сюжет о формировании физического коллектива людей, ставшего основой для воссоздания степной империи, ассоциированной с сообществом, именовавшим себя словом *тюрк*, теперь так называемого Второго (Восточно-)Тюркского каганата. Памятники древнетюркской рунической письменности подробно рисуют картину постепенного собирания и увеличения численности коллектива, сплотившегося вокруг харизматического предводителя, будущего Эльтериш кагана: сначала с 17 до 70 человек (КТб, стк. 11–12 = БК, X, стк. 10–11)², после чего разношерстное и немногочисленное³ воинство постепенно увеличилось до 700 (КТб, стк. 12–13 = БК, X, стк. 11; Тон, I, Зап, стк. 4–5(4–5)). Именно это количество реорганизуется в военно-административные подразделения (КТб, стк. 13–14 = БК, X, стк. 11–12). В. В. Радлов заметил, что, следуя этому описанию, семьсот человек (взрослых мужчин) достаточно для создания независимого племени [Radloff, 1895, S. 206]. В. В. Бартольд указал в качестве аналогии на такую же цифру в генеалогической легенде *кимеков*, переданной у Гардйзй [Barthold, 1897, S. 8; Бартольд, 1973, с. 44, примеч. 13].

Независимо от того, насколько достоверны эти приводимые в текстах, написанных очевидцами и ближайшими современниками событий, количества людей (17 → 70 → 700), даже если их облик подсказан какими-то господствовавшими в традиционной культуре иррациональными представлениями о символике чисел [Roux, 1965, p. 32 ff.] (ср.: [Thomsen, 1896, p. 101, 146, note 19; Гумилев, 1967, с. 276], они выглядят вполне реалистичными, находя подтверждение в этнографических наблюдениях [Vámbéry, 1898, S. 6]. В конце концов, в последующем восточные тюрки решали, как с «двумя-тремя тысячами войска» противостоять угрозе на четырех направлениях (Тон, I, Южн, стк. 7(14)), в итоге с двумя тысячами выступили на Тогу против огузов, которых было три тысячи (Тон, I, Южн, стк. 9(16)), а затем сами, имея две тысячи людей, двумя армиями вторглись на территорию империи Тан (Тон, I, Вост, стк. 1(18)).

В результате битвы с западными тюрками («народ десяти стрел»), возглавляемыми тюркешами, чье войско оценивается в десять *тюменов* (Тон, II, Зап, стк. 1(36)), восточные тюрки захватили вражеского кагана, убили их *йабгу* и *шада*, а также захватили «пятьдесят мужей-воинов» (*äligcä är tutdimiz*) (Тон, II, Зап, стк. 7(42)). Ф. Тьерри допускает, что здесь речь идет о каких-то «chefs militaires de rang important» [Thierry, 1999, p. 326, note 8], но это необязательно. Здесь слово *tümän* не следует буквально толковать в привычном современному исследователю благодаря представлениям о Монгольской империи значении «10000». В свое время П. Пельо, развивая наблюдение, высказанное еще В. В. Бартольдом на основе толкования слова *tümän* у Махмуда ал-Кашгарй, писал, что в домонгольское время оно не зафиксировано в значении «10000», а обозначало, скорее, абстрактное «очень много» [Pelliot, 1963, p. 858–859]. В данном случае это может быть скорее просто огромное количество воинов, не характерное для обычных ситуаций [Тенишев, Дыбо, 2006, с. 514]. Такое значение подтверждается использованием в тех же памятниках древнетюркской рунической письменности слова *tümän* по отношению к численности не только войск, но и прорудки (Кб, стк. 12: *bir tümän ayı altun kümüs*).

Когда в древнетюркских рунических памятниках енисейского бассейна идет речь об убитых мемориантом за всю свою жизнь «мужах-воинах» противника, что выступает одним из значимых

² Расшифровка сокращенных названий цитируемых памятников приведена в конце статьи.

³ Такой отряд, вероятно, не представляется автору надписи боеспособным, потому как он говорит: «Небо силу дало, поскольку отца (моего) кагана войско волкам подобно было, враги овцам подобны были» (КТб, стк. 12 = БК, X, стк. 11: *täjri küc birtök ücün qajim qayan süsi böri täg armis jayisi qoj täg armis*).

жизненных достижений, то приводятся достаточно точные, вплоть до единиц, цифры (9, 22, 30, 35, 40, 42, 59, 70) [Кормушин, 2008, с. 307–308]. Точно так же «мужи-воины», выступающие в качестве адресата вкладываемых в уста меморианта сожалений о вынужденном посмертном расставании с ними, представлены количеством, обозначенным округленными числами (40, 50, 100, 150), но их численность далеко не доходит до тысячи [Кормушин, 2008, с. 285–286]. Поэтому высказывалось мнение, что речь идет не о «простых воинах» из народа, а о дружинниках [Кормушин, 2008, с. 285]. Между тем из этнографических данных известно, что в повседневной жизни кочевников, когда взаимные набеги различных групп друг на друга неизбежны, а война фактически является обыденностью, военными делами занимается не все мужское население какого-либо коллектива: такой функцией наделялись специально отобранные для этого люди [Vámbéry, 1879, S. 122].

Таким образом, приводимые в памятниках древнетюркской рунической письменности цифры, относящиеся к численности войск, представляются живыми и приближенными к реальным. Именно от этих показателей следует отталкиваться при суждениях о численности кочевнических армий и масштабах военных столкновений между кочевниками.

Эти же сведения позволяют сделать некоторые предположения касательно общей численности отдельных сообществ.

Численность тюрков и окружающих сообществ в период Первой Восточно-тюркской империи

Исследователями давно замечено, что приводимые китайскими авторами сведения о численности войск противостоящих династиям Срединной равнины кочевников в десятки и сотни тысяч следует воспринимать скептически, явно считая их преувеличением [Гумилев, 1967, с. 338; Graff, 2002, p. 51, 53]. Сказать больше, они даже противоречат сами себе, что выявляется контекстуально.

Так, в 583 г. восточно-тюркский *Бшбара⁴ каган, объединивший в походе на империю Суй армии других трех каганов, в том числе западно-тюркского Тарду, обладавшего, по заверению китайских авторов, большим числом войск, чем он сам [СШ, цз. 51, с. 6а; БШ, цз. 22, с. 166; ЦТТЦ, цз. 175, с. 216]⁵, возглавил силу численностью в 400 000 чел. [СШ, цз. 84, с. 46; БШ, цз. 99, с. 96; ТД, цз. 197, с. 106 (300 000); ТПХЮЦ, цз. 194, с. 13а; ЦТТЦ, цз. 175, с. 28а]. При этом *те-лэ* 鐵勒, конгломерат разнородных степных племен, не был привлечен к этому походу, оставаясь в последующем потенциальной угрозой для собственных тылов тюрков [СШ, цз. 51, с. 66; БШ, цз. 22, с. 17а–17б].

Племена *те-лэ*, покоренные тюрками (не ранее 546 г.), исчисляются количеством в 50 000 *ло* 落 [ЧШ, цз. 50, с. 36; БШ, цз. 99, с. 3а], или 50 000 *цзя* 家 «семей» [СШ, цз. 84, с. 2а; БШ, цз. 99, с. 16–2а]. Танский наследный принц Ли Чэн-цян 李承乾 увлекался образом жизни тюрков и устраивал соответствующие игры с товарищами, в том числе приказывал группе из пяти человек образовывать *ло* 落, тождественное одной палатке (*цюн-лу* 穹廬) [СТШ, цз. 80, с. 26]. Соответствие семейного домохозяйства одной юрте и численности примерно в 5 человек косвенно подтверждается возможностью подсчета соотношения количества семей (*ху* 戶 «двор») и численности людей в подведомственных империи Тан пограничных округах с кочевническим населением (см.: [ЦТШ, цз. 38, с. 34а–35а, 366–37а]; ср.: [Малявкин, 1980, с. 115, 116; 1981, с. 28, 30; 1989, с. 17 (табл. 1), 22 (табл. 2); 24 (табл. 3)]). Это

⁴ Здесь и далее для облегчения восприятия имена собственные, если даже они известны только по иноязычным записям, даются только в принятой реконструкции, в других случаях сохраняется транскрипция, данная в источниках.

⁵ Полная расшифровка аббревиатур обозначений названий китайских источников приводится в конце статьи (см. выше). После сокращения названия через запятую идет номер главы (*цзюань* 卷), затем номер страницы. Здесь и далее пагинация указывается по изданию серии «Цинь-дин сы ку цюань-шу» 欽定四庫全書 («Высочайшее утвержденное полное собрание книг по четырем разделам»).

фактически малая (в отдельных случаях — расширенная) нуклеарная семья, представленная одним поколением — родители и несовершеннолетние дети (см., напр.: [Хазанов, 2002, с. 227]). Таким образом, 50 000 домохозяйств (ло или цзя, см. выше) тождественно примерно 250 000 чел.

Между тем общая численность племен *те-лэ* известна примерно на 607 г. — не ранее, чем сведения о них смог собрать Пэй Цзюй 裴矩 [Czeglédy, 1981, 56. о.]. Общие цифры, охватывающие данные по нескольким племенам, собранным в некоторого рода территориальные группы (реконструкция, разбор и обсуждение конкретных названий см.: [Dobrovits, 2011, р. 375–378; Cheng Fangyi, 2012, р. 104–107; Balogh, 2018, 31–35. о.]), выглядят следующим образом: племена (10) к северу от р. Тола — приблизительно 20 000 воинов; племена (более 9ти) к западу от И-у 伊吾 (Ха-ми 哈密), к северу от Куча — приблизительно 20 000 воинов; племена (более 4-х) к юго-западу от Алтая — более 10 000 воинов; племена (более 9-ти) на север от владения Самарканд, близкие к р. Волге — 30 000 вероятных воинов (ТПХЮЦ: 20 000); племена (более 4-х) к востоку от Де-и-хай 得窳海 (Балхаш? Каспий?) — более 8 000; к востоку от Рима (Фу-линь 拂林) — около 20 000 (ТПХЮЦ: 23 000) [СШ, цз. 84, с. 236–24а; БШ, цз. 99, с. 256–26а; ТД, цз. 199, с. 17а–18а; ТПХЮЦ, цз. 198, с. 1а–2а; ЦФЮГ, цз. 956, с. 40а–40б]. Даже если не брать в расчет слишком отдаленные от центров Тюркской империи территории, население ближайших районов, по меньшей мере 23-х племен, могло бы предоставить ок. 50 000 воинов. При формальном сопоставлении с предшествующими данными из этого следовало бы, что один воин представлял одно домохозяйство.

Следует заметить, что в свое время Б. О. Долгих для выяснения примерной численности коренных народов Сибири, плативших ясак российской администрации в XVII в., опирался на показатели переписей населения начала XX в. Исходя из сведений о пропорции доли взрослых мужчин (от 18 до 59 лет) к общей численности населения, для охотничьих народов Сибири он выбрал коэффициент 4, для скотоводческих народов — коэффициент 5. При этом он допускал поправку к полученным расчетам, исходя из соображения об обязательном наличии лиц, уклонявшихся или по каким-либо другим причинам не плативших ясак, допуская, что их доля могла составлять примерно 10% от общего числа населения [Долгих, 1960, с. 13–14]. Иногда конкретные ситуации требовали оговорок и корректировок коэффициентов (см., напр.: [Долгих, 1960, с. 332–334, 361]).

Китайские источники дают некоторые цифры при описаниях конкретных племен *те-лэ* на период около 648 г. Приводимые сведения не унифицированы — в одних случаях речь идет о числе воинов, которых могло выставить данное племя, в других приводится общая численность душ или домохозяйств. Эти цифры могут быть признаны если не непосредственно достоверными, то в какой-то степени отражающими реальное соотношение сил племен, поскольку были получены, вероятно, от посольств самих племен (о дипломатических сношениях см.: [Bielenstein, 2005, р. 375–473]). К тому же признавшие верховенство империи Тан племена делали ей какие-то выплаты [ЦТШ, цз. 3, с. 226; ТХЯ, цз. 73, с. 9б; ЦЧТЦ, цз. 198, с. 276; ЦФЮГ, цз. 170, с. 166; СТШ, цз. 217а, с. 3б], однако кроме того, что это были сборы натурой, свозившиеся в специально организованные пункты, никаких иных деталей, в том числе касательно периодичности и размеров выплат, ничего неизвестно. Даже если эти реестры не связаны с фискальной политикой, зарегистрированные сведения о численности военных контингентов племен следует принять во внимание, поскольку племена участвовали в военных операциях империи Тан, извлекая из этого естественную собственную выгоду в виде награбленной добычи и щедрых наград двора.

Реестры выглядят следующим образом: *ну-гу* — более 10 000 воинов (勝兵) [ТД, цз. 199, с. 20б (僕骨)⁶; ТПХЮЦ, цз. 198, с. 7а (僕骨)], 10 000 воинов и 30 000 «ртом» (口) [ЦФЮГ, цз.

⁶ Здесь и далее в скобках указываются варианты китайской транскрипции названий племен, приводимые в цитированных текстах, поскольку они иногда различны.

958, с. 256 (僕骨)], 30 000 домохозяйств (帳戶) и 10 000 воинов (兵) [СТШ, цз. 2176, с. 15а (僕骨, 僕固)]; *тонгра* — 15 000 хозяйств (戶) [ТД, цз. 199, с. 206 (同羅); ТПХЮЦ, цз. 198, с. 76], 30 000 воинов [СТШ, цз. 2176, с. 156]; *байырку* — более 10 000 воинов [ТД, цз. 199, с. 216 (拔野古)], 10 000 воинов и 60 000 хозяйств [ТХЯ, цз. 98, с. 186 (拔野古)], более 10 000 воинов и 60 000 «ртов» [ТПХЮЦ, цз. 198, с. 86 (拔野古); ЦФЮГ, цз. 958, с. 26а (拔野古)], 60 000 домохозяйств (帳戶) и 10 000 воинов (兵) [СТШ, цз. 2176, с. 146 (拔野古, 拔野固, 拔曳固)]; *до-лань-гэ* — 10 000 воинов [ТД, цз. 199, с. 226 (多濫葛); ТПХЮЦ, цз. 198, с. 9а (多濫葛); СТШ, цз. 2176, с. 17а (多覽葛, 多濫)], 10 000 воинов и 30 000 «ртов» [ЦФЮГ, цз. 958, с. 256 (多濫葛)]; *ху-сюэ* — 7 000 воинов [ТД, цз. 199, с. 226 (斛薛); ТПХЮЦ, цз. 198, с. 9а–9б (斛薛)], 10 000 воинов [СТШ, цз. 2176, с. 20а (斛薛)]; *а-ба* — 1 700 воинов [ТД, цз. 199, с. 226 (阿跋)], либо *а-де* — 1 700 воинов [ТПХЮЦ, цз. 198, с. 9б (阿跌)]⁷; *ци-би-юй* — 3 000 воинов [ТД, цз. 199, с. 23а (契苾羽)], 2 000 воинов [ТПХЮЦ, цз. 198, с. 9б (契苾羽)]; *бай-си* (白霫) — 3 000 воинов [ТД, цз. 199, с. 23б], 10 000 воинов [ТПХЮЦ, цз. 198, с. 10б; СТШ, цз. 2176, с. 20а]; *си* (霫) — более 10 000 воинов [ТД, цз. 200, с. 7б; ТПХЮЦ, цз. 199, с. 10б], 10 000 воинов [ТХЯ, цз. 98, с. 19а]; *уйгуры* (*хуэй-хэ*) — 50 000 воинов [ТД, цз. 200, с. 9б (迴紇); ТПХЮЦ, цз. 199, с. 12а (回紇, 回紇)], 50 000 воинов и 100 000 «ртов» [ЦТШ, цз. 195, с. 1б (回紇); ТХЯ, цз. 98, с. 1а (迴紇); ЦФЮГ, цз. 958, с. 25а (回紇)].

Бросаящуюся в глаза повышенную по сравнению с другими сообществами численность уйгуров можно объяснить тем, что в их состав были включены остатки восточных тюрков и затем *се-янь-то* 薛延陀/薛延陁.

После падения *Эллиг кагана в 630 г. часть восточных тюрков присоединилась к *се-янь-то*, другие ушли в западные страны (*си-юй* 西域), третьи капитулировали, при этом число последних источники определяют как «множество» [ТД, цз. 197, с. 21а; ЦТШ, цз. 194а, с. 13а; ТПХЮЦ, цз. 195, с. 7а–7б; ЦФЮГ, цз. 991, с. 6а], конкретизируя затем, что это до 100 000 чел. [ТД, цз. 197, с. 23а; ЦТШ, цз. 194а, с. 14а; ТПХЮЦ, цз. 195, с. 9а–9б; ЦФЮГ, цз. 991, с. 6б; ЦЧТЦ, цз. 193, с. 23б], либо непосредственно называют это число [ЦЧТЦ, цз. 193, с. 22а; СТШ, цз. 215а, с. 19а]. Эта конкретизация, всплывающая в дискуссии при танском дворе, относящейся уже к 630 г., подтверждена самым ранним из текстов [ЧГЧЯ, цз. 9, с. 22а]. Между тем ушедший на запад А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾 в какой-то период объединил под своим командованием 100 000 людей [ЦТШ, цз. 109, с. 3б; ТХЯ, цз. 93, с. 5а; ЦФЮГ, цз. 995, с. 13б; цз. 1000, с. 17б; ЦЧТЦ, цз. 194, с. 28б; СТШ, цз. 110, с. 4б]. Он капитулировал перед империей Тан в 1-й месяц 10-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (12.02–12.03.636) [ТХЯ, цз. 94, с. 5а; ЦФЮГ, цз. 170, с. 13б (10-й месяц)] или чуть ранее, еще в 635 г. [ЦТШ, цз. 109, с. 4а]. После капитуляции его люди были расселены на севере Линчжоу 靈州 [ЦФЮГ, цз. 995, с. 14а; ЦЧТЦ, цз. 194, с. 28б–29а; СТШ, цз. 110, с. 5б]. По-видимому, это была какая-то весьма значительная часть тюрков. Названное выше число передавших империю Тан тюрков и расселенных на пограничных территориях в 100 000 перекликается с данными о количестве людей, подведомственных на 641 г. А-ши-на Сы-мо 阿史那思摩, который был утвержден каганом со стороны танского двора и повел тюрков из Ордоса на север от р. Хуан-хэ [ТД, цз. 197, с. 25б; ТХЯ, цз. 93, с. 93, с. 6а; ЦТШ, цз. 194а, с. 17а; ЦФЮГ, цз. 46, с. 11а; СТШ, цз. 215а, с. 24а] (см. ниже). Однако он оказался не способен контролировать подданных, и в начале 645 г. они «восстали» (*пань* 叛) [ТД, цз. 197, с. 25б; ЦТШ, цз. 194а, с. 17а; ТПХЮЦ, цз. 195, с. 11б; ЦФЮГ, цз. 46, с. 11а] или, в более поздней интерпретации, «подданные много изменяли» (下多攜背) [СТШ, цз. 215а, с. 24а]. Отсюда следовало бы, что многие покинули его, видимо, переметнувшись к господствовавшим на тот момент *се-янь-то*. После того, как в 646 г. был побежден *се-янь-то*ский каган, уйгурский предводитель Ту-ми-ду 吐迷度 «объединил его подчиненных» [ЦТШ,

⁷ Следуя СТШ, цз. 2176: 17а, *а-де* 阿跌 именуется также *хэ-де* 訶咥 либо *се-де* 跌跌.

цз. 195, с. 26 (並其部曲)] и «целиком занял его земли» [ЦТШ, цз. 195, с. 26 (奄有其地)]; СТШ, цз. 217, с. 2а–2б (並有其地)]. Это и сделало его самым могущественным среди предводителей других *те-лэ*ских племен. Помимо этого, часть людей постепенно переманил у *се-янь-то* укравшийся в горах Алтая Чэ-би 車鼻 каган, общее число воинов (勝兵) которого в итоге выросло до 30 000 чел. [ТД, цз. 198, с. 16; ЦТШ, цз. 194а, с. 186; ТПХЮЦ, цз. 196, с. 16; ЦЧТЦ, цз. 198, с. 33б; СТШ, цз. 215а, с. 25а]. Это воинство было разношерстным, поскольку даже люди Ту-ми-ду хотели уйти к нему [ЦТШ, цз. 195, с. 3а–3б; ЦЧТЦ, цз. 199, с. 9а–9б; СТШ, цз. 217а, с. 4а].

Приведенные примеры наглядно показывают перемещение степного населения, менявшегося в зависимости от ситуации политическое подданство и идентичность, по крайней мере в глазах китайских авторов.

Если пытаться примерно подсчитать число народа, ассоциируемого с тюрками, на 630 г. и чуть далее, оно, по-видимому, немногим будет превышать заявленные 100 000 чел. После того как разбежались люди, вверенные А-ши-на Сы-мо, в четырех специально созданных для размещения тюрков танских военных губернаторствах (*ду-ду-фу* 都督府) насчитывалось следующее число народа. Два самых ранних ведомства — Дин-сян 定襄 и Юнь-чжун 雲中 — включали соответственно 460 дворов и 1463 чел. и 1430 дворов и 5681 чел.; еще два выделенных позднее военных губернаторства — Сан-гань 桑乾 и Ху-янь 呼延 — соответственно 274 двора и 1323 чел и 150 семей и 650 чел. (с учетом присоединенных к ним позднее коллективов) (см.: [ЦТШ, цз. 38, с. 34а–35а]; ср.: [Малявкин, 1980, с. 115; 1981, с. 28; 1989, с. 17 (табл. 1)]). В сумме все это составляло немногим больше 9 тыс. чел., тогда как остальное население было рассеяно в подданстве у уйгуров и оставшихся немногих лоялистов вроде Чэ-би кагана.

Соотношение числа воинов и остального населения

Кроме приведенных выше данных о сообществах, традиционно включаемых в круг *те-лэ*, в источниках отдельно упоминаются еще сведения о следующих племенах: *басмыл* — более 3 000 хозяйств [ТД, цз. 200, с. 76 (拔悉彌)], более 2 000 хозяйств [ТПХЮЦ, цз. 199, с. 106 (拔悉彌)]; *бо-ма* — 30 000 воинов (兵) и 300 000 лошадей [ТД, цз. 200, с. 116 (駿馬); ТПХЮЦ, цз. 200, с. 2а (馬)], 30 000 воинов и 10 000 лошадей [ТХЯ, цз. 100, с. 146 (駿馬)]; *куруккан* — 4 500 воинов [ТД, цз. 200, с. 10а; ТПХЮЦ, цз. 200, с. 1а], 4 500 воинов и более 10 000 остальных людей [ТХЯ, цз. 100, с. 2а–2б; ЦФЮГ, цз. 958, с. 256], 5 000 воинов [СТШ, цз. 217б, с. 19а]; *кыркыз* — 80 000 воинов [ТД, цз. 200, с. 106 (結骨)], 80 000 воинов и сотни тысяч «ртов» (口數十萬) [ТХЯ, цз. 100, с. 56 (結骨); ЦФЮГ, цз. 958, с. 256 (結骨); ТПХЮЦ, цз. 199, с. 14а (黠戛斯)].

На примере некоторых сообщений можно увидеть формальное соотношение численности тех, кто относится к числу воинов, и остального населения. Она разнится, поэтому как для большинства конкретных случаев, так и в общем даже формальный подсчет численности населения на основе отдельных показателей проблематичен. Так, *пу-гу* — 1: 4 [ЦФЮГ, цз. 958, с. 25; СТШ, цз. 217б, с. 15а], *байырку* — 1: 7 [ТХЯ, цз. 98, с. 186; ТПХЮЦ, цз. 198, с. 86; ЦФЮГ, цз. 958, с. 26а; СТШ, цз. 217б, с. 146], *до-лань-гэ* — 1: 4 [ЦФЮГ, цз. 958, с. 256], *уйгуры* — 1: 3 [ЦТШ, цз. 195, с. 16; ТХЯ, цз. 98, с. 1а; ЦФЮГ, цз. 958, с. 25а], *куруккан* — 1: 3 [ТХЯ, цз. 100, с. 2а–2б; ЦФЮГ, цз. 958, с. 256].

Для сравнения: в 641 г. А-ши-на Сы-мо (ср. выше) имел под командованием 100 тыс. чел., из них 40 тыс. воинов [ТД, цз. 197, с. 25б; ЦТШ, цз. 194а, с. 17а; ЦФЮГ, цз. 46, с. 11а]⁸ либо 30 тыс. дворов (*ху* 戶) и 40 тыс. воинов (и 90 тыс. лошадей) [ТПЮЛ, цз. 904, с. 56; ЦЧТЦ, цз. 196, с. 2а]. Свидетельство о 40 тыс. воинов повторено в других фрагментах [ТД, цз. 197, с. 24б; ТПХЮЦ,

⁸ СТШ, цз. 215а, с. 24а: более 100 тыс. чел., из них 40 тыс. воинов (勝兵), 90 тыс. лошадей.

цз. 195, с. 106]. Отсюда вытекает, что «двор» предполагает в среднем примерно 3,3 чел., а «воины» составляют примерно 40% от всей численности.

В период Уйгурской империи (744–848) есть почти синхронные друг другу сведения, позволяющие представить соотношение военных сил ко всему подвластному населению.

В Тариатской надписи представлены имена высокопоставленных командующих примерно на 753–754 гг., которым вверены подразделения числом людей — сто (1), пять сотен (2), девять сотен (1), тысяча (2), пять тысяч (1) (Тар, Зап, стк. 6–9(21–24)) [Sertkaya, 1992, s. 330]. Общее число людей под их руководством формально равнялось бы 9000 чел. Это самые приближенные к кагану лица («великие *буйруки*», термин здесь нами не обсуждается).

Противоположный пример. В 762 г. уйгурский каган вступил в пределы Танской империи, как будто для борьбы с повстанцами. Согласно докладу танской разведки, он вел с собой следующее число людей: «могучих» (得) — 4 тыс. чел., «стариков, малых, женщин» (老小婦) — всего больше 10 тыс. чел., «строевых лошадей» (戰馬) — 40 тыс. голов, быков и овец (牛羊) — не записано [ЦТШ, цз. 195, с. 126]; по другой записи воинов (兵) — примерно 4 тыс. чел., «слабых» (孱弱) — больше 10 тыс. чел., лошадей (馬) — 40 тыс. [СТШ, цз. 217а, с. 10а] (ср.: [Mackerras, 1972, p. 70, 71]). В действительности такие силы (ср. просто упоминание 100-тысячной массы уйгуров: 回紇舉國十萬眾至矣 [ЦТШ, цз. 222, с. 3а]), фактически передвижение всего народа, говорят о том, что каган выдвинулся для завоевания территории (мы согласны с предположением Т. Мориясу: [Moriyasu, 2002, p. 160–161]). Из самих же цифр следует, что доля боеспособных мужчин в сравнении с остальной частью населения (стариками, женщинами, детьми) — примерно 35%.

Высокий процент воинов среди общего числа населения, от 25 до 40%, может найти разные объяснения, в числе которых предположение о том, что он пополнялся за счет неженатой, не обзаведшейся семьей молодежи.

Заключение

В результате этого обзора можно заключить, что в основном для самих кочевников не были характерны военные формирования, выходящие за десяток тысяч человек, даже если ситуативно численность племен превышала этот показатель. Это редкие случаи, когда сильное племя, интегрировавшее в свой состав другое население, могло выставить значительное воинство. Механизмы увеличения численности отдельных сообществ за счет притока силы побежденных и соблазненных потенциальной добычей давно описаны В. В. Радловым [Радлов, 1893, с. 72–74]. Древнетюркская эпоха наглядно показывает эти процессы.

Сокращения названий памятников

БК, X — большая надпись на восточной стороне стелы Бильге кагана

БШ — «Бэй ши» 北史 («[Официальная] история северных [династий]»)

Е — енисейские надписи

Кб — надпись на правой боковой (северной) стороне стелы Кюль тегина (продолжение большой надписи)

КТб — большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль тегина

СТШ — «Синь Тан шу» 新唐書 («Новая книга [о династии] Тан»)

СШ — «Суй шу» 隋書 («Книга [о династии] Суй»)

Тар — Тариатская (Терхинская) надпись

ТД — «Тун дьянь» 通典 («Общий свод»)

- Тон — надпись советника Тоньюкука (I; II — две стелы)
ТПХЮЦ — «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 («Описание мира [в эру правления] Тай-пин»)
ТПЮЛ — «Тай-пин юй-лань» 太平御覽 («Высочайше одобренное [издание эры правления] тай-пин»)
ТХЯ — «Тан хуэй яо» 唐會要 («Собрание важнейших [сведений периода династии] Тан»)
ЦТШ — «Цзю Тан шу» 舊唐書 («Старая книга [о династии] Тан»)
ЦФЮГ — «Цэ-фу юань-гуй» 冊府元龜 («Изначальная черепаха императорского книгохранилища»)
ЦЧТЦ — «Цзы-чжи тун-цзянь» 資治通鑑 («Помогающее управлению всеобщее обозрение»)
ЧГЧЯ — «Чжэнь-гуань чжэн яо» 貞觀政要 («Основы управления [в эру правления] чжэнь-гуань»)
ЧШ — «Чжоу шу» 周書 («Книга [о династии] Чжоу»)

Литература / References

- Бартольд В. В. <Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбār*> Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.». Бартольд В. В. *Сочинения: в 9 т.* Т. VIII. *Работы по источниковедению.* М., 1973. С. 23–62 [Barthold V. V. <Extract from the Work of Gardizi *Zayn al-akhbār*> Appendix to the “Report on a Trip to Central Asia for a Scientific Purpose. 1893–1894. Barthold V. V. *Works: in 9 vol.* Vol. 8. *Works on Study of Sources.* Moscow, 1973. Pp. 23–62 (in Russian)].
- Гумилев Л. Н. *Древние тюрки.* М., 1967 [Gumilev L. N. *Ancient Turks.* Moscow, 1967 (in Russian)].
- Долгих Б. О. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке.* М., 1960 [Dolgikh B. O. *Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th century.* Moscow, 1960 (in Russian)].
- Кормушин И. В. *Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология.* М., 2008 [Kormushin I. V. *Turkic Yenisei Epitaphs: A Grammar, Textology.* Moscow, 2008 (in Russian)].
- Малаявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. Деревянко Е. И. (отв. ред.). *Дальний Восток и соседние территории в средние века.* Новосибирск, 1980. С. 103–126 [Malyavkin A. G. Tactics of the Tang State in the Struggle for Hegemony in the Eastern Part of Central Asia. Derevyanko E. I. (ed.). *Far East and Neighboring Territories in the Middle Ages.* Novosibirsk, 1980. Pp. 103–126 (in Russian)].
- Малаявкин А. Г. *Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования).* Новосибирск, 1981 [Malyavkin A. G. *Historical Geography of Central Asia (Materials and Research).* Novosibirsk, 1981 (in Russian)].
- Малаявкин А. Г. *Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования.* Новосибирск, 1989 [Malyavkin A. G. *Tang Chronicles about the States of Central Asia: Texts and Studies.* Novosibirsk, 1989 (in Russian)].
- Радлов В. В. *К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика.* Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук № 2. СПб., 1893 [Radlov V. V. *On the issue of the Uighurs. From the preface to the Publication of Qudatqu-Bilik.* Supplement to the LXXII volume of the Bulletin of the Imperial Academy of Sciences No. 2. St. Petersburg, 1893 (in Russian)].
- Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. (отв. ред.) *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка.* М., 2006 [Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) *A Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. The Proto-Turkic Language-Basis. A Picture of the World of the Proto-Turkic ethnos according to the Language Data.* Moscow, 2006 (in Russian)].

Хазанов А. М. *Кочевники и внешний мир*. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002 [Khazanov A. M. *Nomads and the Outside World*. 3rd ed. Almaty, 2002 (in Russian)].

Balogh M. Az ujjur birodalomalapítás előzményei — Yarlaqarok, ujjurok és tiele / oguz törzsek a kínai és a türk hatalom közt. Dallos E., Kósa G. (szerk.) *Kultúrák találkozására és kölcsönhatására a Selyemút mentén: Ecsedy Ildikó születésének 80. Évfordulójára*. Budapest, 2018. 23–58. o.

Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. Radloff W. *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei*. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold: Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. St. Petersburg, 1897. S. 1–36.

Bielenstein H. *Diplomacy and Trade in the Chinese World, 589–1276*. Leiden, 2005.

Cheng Fangyi. The Research on the Identification Between Tiele (鐵勒) and the Oguric Tribes. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2012. T. 19. Pp. 81–114.

Czegléd K. Ogurok és türkök Kazáriában. Dobrev Cs., Juhász P., Mijatev F. (szerk.) *Tanulmányok a bolgár-magyar kapcsolatok köréből. A bolgár állam megalapításának 1300. évfordulójára*. Budapest, 1981. Pp. 53–57. o.

Dobrovits M. The Altaic World Through Byzantine Eyes: Some Remarks on the Historical Circumstances of Zemarchus' Journey to the Turks (AD 569–570). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2011. Vol. 64(4). Pp. 373–409.

Graff D. A. Strategy and Contingency in the Tang Defeat of the Eastern Turks, 629–630. Di Cosmo N. (ed.). *Warfare in Inner Asian History: 500–1800*. Boston, 2002. Pp. 33–71.

Mackerras C. *The Uighur Empire according to the T'ang dynastic histories. A study in Sino-Uighur relations 744–840*. 2nd ed. Canberra, 1972.

Pelliot P. *Notes on Marco Polo II*. Paris, 1963. XII. Pp. 613–885.

Radloff W. *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei*. St. Petersburg, 1895. III. Lief. S. 175–460.

Roux J.-P. Les chiffres symboliques 7 et 9 chez les Turcs non musulmans. *Revue de l'histoire des religions*. 1965. Vol. 168. No. 1. Pp. 29–53.

Sertkaya O. F. Göktürk Harfli Uygur Kitabelerinin Türk Kültür Tarihi İçerisindeki Yeri. *Türk Kültürü Araştırmaları Dergisi*. 1992. Cilt XXVIII/1–2(1990). Prof. Dr. Mubarrem Ergin'e Armağan. S. 325–334.

Thierry F. Sur les monnaies des Türgesh. *Coins, Art, and Chronology: Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands*. Alram M., Klimburg-Salter D. (Hsg.). Wien, 1999. Pp. 321–349.

Thomsen V. *Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées*. Helsingfors, 1896.

Vámbéry H. *Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund Sprachlicher Forschungen*. Leipzig, 1879.

Vámbéry H. *Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens*. Helsingfors, 1898.

Moriyasu Takao [森安 孝夫]. Uiguru kara mita Anshi no ran ウイグルから見た安史の乱 [The Rebellion of An Lu-shan and Shi Si-ming (755–763) from the Uighurs' Viewpoint]. *Nairiku Ajia gengo no kenkyū 内陸アジア言語の研究 [Studies on the Inner Asian Languages]*. 2002. Vol. 17. Pp. 117–170.